

СОЧИНЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ ПО ОПОРНЫМ СЛОВАМ

А.А.Бреусенко-Кузнецов

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета Украины
“Киевский политехнический институт”*

Звернення казкотерапії до вивчення легенди є важливим внаслідок реальної проникності жанрових меж у творчих процесах клієнтів. Важливою особливістю легенди визнано ідеологічний її характер. Представлено казкотерапевтичний метод роботи з легендою.

Ключові слова: легенда, казкотерапія, творчість.

Обращаясь к родственным сказке фольклорным жанрам (как специализированным терапевтическим инструментам), сказкотерапия нуждается в рефлексии над их специфическими особенностями сравнительно со сказкой. Это важно ввиду реальной проницаемости жанровых границ в творческих процессах клиентов сказкотерапии. Под видом сказки (называя её так) клиент вполне может сочинить героическую сагу, детскую страшилку, детективный рассказ, и даже – логический план-алгоритм действий героя. Знание о том, как преломляются единые символические темы и смыслы в разных жанрах, в сказкотерапии важно не менее, чем в изобразительной арт-терапии – знание особенностей психологического влияния применяемых техник. А.Н.Пыпин отмечает некоторую искусственность жанрового подразделения народных произведений: ведь они «не так резко отличаются друг от друга, как отличает их этнографическая терминология. Народные песни, поверья, преданья, сказки и т.д. принадлежат одному и тому же народному воображению и создаются им без всяких литературных правил, и потому беспрестанно смешиваются одни с другими и по предмету и по изложению» [4, 180]. Не случайно эта мысль высказана в статье «Русские народные легенды», ибо этот тип народной словесности в наибольшей степени подвержен незаметному переходу в соседние жанры (например, в сказку), да и смешению с ними. По А.Н.Пыпину, «легенда имеет ту специальность, что останавливается исключительно на предметах, принадлежащих к области христианских вероучений и религиозной морали... От самого содержания легенда имеет серьёзный тон, который только впоследствии переходит иногда в шутку... Легенды были поучительным развлечением, и рассказывание их было делом благочестивым» [4, 181]. А.Н.Пыпиным область определения легенды сужена. Есть легенды несомненно сказочного происхождения – бывшие сказки, в которых идейный момент стал доминировать,

подчинять себе всё повествование. Есть легенды и книжного происхождения, отталкивающиеся от религиозных текстов – и метафорически (либо аллегорически) иллюстрирующие важные их положения. Самостоятельный класс легенд составляют легенды космогонические, далёкие от сказок (мы – в конечном итоге, но не прямо – можем их возвести к мифу творения, предшествующему находящему соответствие в волшебных сказках героическому мифу). Особую группу составляют легенды о странствующем божестве (Христос – или его апостолы – ходит по земле и творит чудеса), о святых (также находящихся не на далёких небесах, а низведённых на землю).

В «Поэтике фольклора» В.Я.Проппа легенда рассматривается в отношении к сказочному фольклору:

- легенду роднит со сказкой форма бытования (её рассказывают, как и сказку, вместе со сказками);
- у легенды и сказки прослеживается частичное совпадение структуры;
- принципиальное отличие легенды от сказки состоит в отношении к текстам: если сказочные события представляют собой вымысел, в который однозначно не верят, то «легенда в народном сознании обладает некоторой идейной правдой, и сознание этой правды может принять форму веры в действительность изображаемых событий» [1, 283].

Сказка, в которой пространство совершенно условно, в принципе не может «приземлять» свои образы, ибо с земной географией никак не соотносится. Легенда, в отличие от сказки, достаточно часто оказывается привязанной к конкретным географическим, топографическим объектам (определённым камням, скалам, рекам, строениям и т.д.), служащим своего рода «вещественными доказательствами», призванными верифициро-

вать легендарные события, нанесшие на них свой отпечаток.

Доминирование чёткой идеи, могущей быть исчерпывающе вербализованной, приводит к тому, что сам сюжет легенды занимает подчинённую позицию, превращается в иллюстративный. Напрашивается предположение о намеренном, искусственном привнесении идей посредством сюжета. Отсюда не удивительно повышенное внимание к легендам представителей теории заимствования (А.Н.Веселовского, проследившего кочующий сюжет о Соломоне и Китоврасе и др.). Не случаен и поиск путей передачи легенд, в котором доминировали гипотезы о роли дуалистических сект (болгарских богумилов и т.д.). В сказках и эпосе (при всей важности эпической идеологии) доминирующим аспектом всё же выступает художественный – оттого подозрений в целенаправленном идеологическом диктате они не вызывают.

Задачами нашей статьи будет: 1) выявление специфических возможностей, которые раскрываются легендой перед сказкотерапией; 2) презентация авторского метода «Сочинение легенды по опорным словам».

Легенда суть нисходящая идея, присоединяющаяся к слушателям, вербующая себе сторонников. В ней, по нашему мнению, нетрудно уловить основные черты искусственного мифа – рукотворность, скрыто присутствующую авторскую позицию, цель идеологического влияния.

О клиенте сказкотерапии, сочиняющем легенду, мы также можем говорить, как об идеологе. Если сказка с её неопределённостью времени и пространства выражает принципиально внутренние феноменологические истины, экзистенциальные смыслы, более или менее легко опознающиеся в качестве собственных, – то легенда имеет дело с феноменологией, устойчиво спроецированной на внешний мир, на некую «общую» для некоего контингента реципиентов задачу. Идеолог делегирует свою личную проблему для разрешения некоей социальной силе, к которой присоединяется – в качестве «бескорыстного» помощника в разрешении, или дарителя средств разрешения, или даже в качестве отправителя. Создавать легенду – это значит уступать место героя (и связанную с ним ответственность).

Метод «Сочинение легенды по десяти опорным словам» применялся нами в сказкотерапевтическом модуле обучающей программы по арт-терапии, реализуемой ОО «Арт-терапевтическая ассоциация» с 2006 г. Основными целями выступили: а) обучение сказкотерапевтов спонтанному сочинению сказок (легенд); б) облегчение процесса сочи-

нения сказки (легенды), даруемое опорными словами, которые позволяют преодолеть сопротивление; в) рефлексия над внутренней феноменологической реальностью, над её проблемами, ресурсами, ориентирами.

Шаги применяемой методики:

1. *Формирование банка опорных слов* на основе свободных ассоциаций.

2. *Привязка к истории и/или географии* (ибо легенда к ним привязана). Предложение каждому участнику вспомнить какой-нибудь топографически-, географически-, исторически-определённый объект. Избранный объект каждый записывает только свой (дабы второй шаг содержательно не путался с первым).

3. *Сочинение легенды*, используя по крайней мере 10 слов из записанных свободных ассоциаций и с привязкой повествования к избранному объекту (пусть оно, например, его объясняет или на него ссылается).

4. *Зачитывание сказок (легенд) и обсуждение*. Выясняем, какое эмоциональное впечатление получено от каждой звучавшей сказки, какие слова использованы в качестве опорных, какие функциональные роли в легендарном тексте играют применённые опорные слова (герои, средства, искомые предметы, места действия?). Многие из избранных слов можно представить как *имена субличностей* (по Р.Ассаджиоли) или *названия автономных комплексов* (по К.Г.Юнгу).

5. *Адресация текстов*. Данный шаг можно проводить в модусах *обсуждения* или *визуализации*. Автору задаются вопросы: для кого вы сочинили легенду? Если ваша легенда – сообщение, то кто получатель? Это аудитория или один человек? Как он (они) *выглядит* (выглядят)? При каких *обстоятельствах* он (они) узнает (узнают) вашу легенду? *Что он должен сделать?* В последнем вопросе звучит тема *делегированной ответственности* (за решение легендарных задач). *Передавая ответственность кому-то, порой легче осознать, за что именно мы ответственны.*

Предлагаемый ниже свод легенд, иллюстрирующий работу по представленному в статье методу, был получен в ходе полутора-часового мастер-класса, данного нами на конференции «Психологический тренинг в коммуникации, культуре, образовании» (Луганск, 11.01.2008). В предваряющей легендарные тексты табл. 1 представлены опорные слова и объекты привязки легенды, предложенные каждому из десяти участников группы (следует отметить, что разделение первых двух шагов методики нами обеспечено не было, в связи с чем и «особый статус» объектов привязки выдержан не был).

Опорные слова и объекты привязки легенды

№ участн.	Опорные слова (1-й круг)	Опорные слова (2-й круг)	Объект легендотворчества
1	Свобода	Страсть	Рынок Пархоменко в Луганске
2	Красота	Цветок	Собор св. Вита в Праге
3	Зависть	Механизм	Здание Госпрома в Харькове
4	Ботинки	Море	Большая китайская стена
5	Яблоко	Река	Дворец дождей в Венеции
6	Противостояние	Радуга	ул. Дерibasовская в Одессе
7	Собака	Ужин	Завод ТНК в Лисичанске
8	Зимбабве	Карнавал	Занзибар; Килиманджаро
9	Клён	Год	Памятник Щорсу в Киеве
10	Жёлтый	Бейджик	Пуэрто-Рико; мыс Доброй надежды; московское метро

Легенда 1.

Сказка о муравье под клёном

Это было где-то в Зимбабве на берегу моря под названием Занзибар.

На берегу распростёрся красивый жёлтый клён. Он был такой высокий, что мог противостоять даже самым высоким облакам и делил на две половины радугу. Под клёном располагалась большая колония муравьёв. Они жили большой дружной семьёй в муравейнике. Как-то случилось, что один самый маленький муравейчик так увлёкся собиранием бейджиков со ствола клёна, что не заметил, как его дом (большой громоздкий муравейник, на который инженеры-строители не могли смотреть без зависти, потому что в нём было очень много хитросплетённых механизмов) вдруг превратился в маленькую точку внизу. Муравей, конечно же, испугался. Он знал, что по закону муравьёв такое нарушение границы карается ссылкой на каторгу ТНК в Лисичанске. Он видел, как облака проплывают под его ногами. А что, если попробовать стать на облако? И он стал, и облако выдержало его крохотный вес. И облако отнесло его за далёкий горизонт в самые далёкие и прекрасные страны. Шло время, муравья кинулись искать его домашние. Не найдя его в муравейнике, все отчаялись, а со временем просто о нём забыли. Забыли все, кроме одной муравьи, которая не могла бросить поиски, т.к. сильно его любила. И тут она решила на невозможное. Она умышленно стала подниматься всё выше и выше на клён, пока не очутилась на том самом месте, где был когда-то её возлюбленный. Она тоже ступила на облако и оно тоже отнесло её к своему возлюбленному. Её примеру поступили остальные влюбленные муравьи. И т.о. они смогли заселить всю планету своими великими домами. В тот день муравьи научились летать. Любовь окрыляет.

Легенда (2)

В одном московском метро жила-была девочка лет 15-ти. У неё была собака по клич-

ке Зимбабве. Эта девочка любила свободу, потому-то и жила в метро. И решила однажды девочка, что страсть к подземной жизни делает её старой и жёлтой, как сухой осенний лист. И спросила девочка свою собаку: «Зимбабве, ты умная и старая, скажи мне, как мне остаться умной, но не постареть?» И ответила ей собака Зимбабве: «Не знаю я, что такое вечная молодость, спроси об этом у цветка, что растёт у памятника Щорсу в Киеве». Девочка спросила: «Как же попаду я туда?». И собака Зимбабве дала ей волшебные неснашиваемые ботинки марки БОМЖ-4. И пошла девочка в Киев, и нашла она памятник Щорсу, и цветок, растущий возле него. И цветок ей сказал: «Не знаю я, что такое вечная молодость, спроси об этом клён на ул. Дерibasовской». И отправилась девочка в Одессу, и нашла она клён на ул. Дерibasовской. И сказал ей клён: «Не знаю я, что такое вечная молодость, спроси реку в Пуэрто-Рико, может, она знает». И отправилась девочка в Пуэрто-Рико, и нашла реку. И река ей сказала: «Не знаю я, что такое вечная молодость, спроси об этом у радуги над Великой китайской стеной, может, она знает». И пошла девочка к Великой китайской стене, и увидела через год над ней радугу. Спросила девочка: «О радуга, я много ходила, сжался надо мной! Ты много видела, может быть, ты знаешь, как сохранить мне вечную молодость?» И ответила ей радуга: «Вот стена, она стоит здесь много веков. И все, кто к ней приходит, становятся вечно молодыми. Всё просто, маленькая девочка. Тебе надо купить в ближайшем ларьке бейджик, написать на нём своё имя, и замуровать его в эту стену».

Легенда (3)

Это было давно. Хотя трудно сказать, насколько, ведь дни и годы никто не считал, что

и некому было сделать. Однажды у Великой китайской стены распустился цветок. Он был очень красив, и бабочки часто навещали его. Они прилетали отовсюду, и из той, другой стороны стены. Они-то и рассказали ему о том, что мир не совсем такой, как ему представлялось, он много больше, величественнее. У цветка зародилось страстное желание и самому увидеть этот мир, но он не мог, ведь он – лишь цветок. Его красота и взмахи крылышек бабочек больше его не радовали. Он горько сетовал на свою судьбу, завидовал всем, кто видеть хоть немного больше его. А ещё он очень злился на стену – это она заслоняла его, не давая ему вырасти высоким и большим. Цветок так отчаянно сетовал на свои несчастья, что даже ветер не мог не слушать их. Почему я всего лишь цветок? Не яблоко – из него выросло бы прекрасное высокое дерево, оно знало и видело бы гораздо больше, почему не собака – она может сама выбирать, куда ей бежать – я же привязан к своему месту. Почему не высокий клён?

Сколько ветер ни пытался успокоить цветок, говоря, что каждый помещается именно там, где должен быть, цветок только сильнее утверждался в том, что судьба к нему несправедлива. Ну чего ты хочешь? – вспыхнул ветер. – Посмотришь мир, увидишь, что там, за другой стороной стены. Но зачем? Собака выбирает свой путь, потому что она – собака, а ты – цветок, ты красив и приятен, ты служишь отрадой бабочек. Цветок, однако, нельзя было переубедить. Ну хорошо, будь по-твоему, – гневался ветер, и он полетел за стену во дворец императора. Там как раз готовились к карнавалу. Ветер незаметно нашептал принцессе о прекрасном цветке, и ей вздумалось отыскать его. Она послала нескольких слуг, и они уже к вечеру вернулись с этим самым цветком. Он действительно был удивительно красив, и принцесса не могла нарадоваться себе – как ей в голову пришла такая прекрасная мысль – отыскать цветок у стены. Она украсила им свои волосы и весь вечер блистала на балу. Бедный умирающий цветок, наконец, получил желаемое – он увидел мир, но он оказался совсем не таким, каким ему представлялся. Среди золотых украшений принцессы ему было неуютно, он мечтал о зелёной траве, о радуге. Теперь-то цветок понял, как заблуждался, только ничего нельзя было исправить. Утром его выбросили, навсегда позабыв о его существовании. Память о нём до сих пор хранят камни Стены, они знают, как опасны бывают наши желания. Особенно те, что родились не в нас.

Легенда (4)

Всё началось с душного московского метро, с оттоптаных ног и грязных ботинок, когда, желая выбраться, наконец, на свободу,

она вышла из вагона на незнакомой станции. Небо было радужного цвета, а солнце щедро дарило свои розовые лучи. "Это не Москва!" – ошарашенно подумала она. Тщетно перебирая в уме всевозможные географические названия, Катя пыталась понять, куда она попала. "Пуэрто-Рико? Занзибар? Или какой-нибудь Мыс доброй надежды? Всё не то!".

Неброская красота жёлтого клёна и запах спелых яблок в саду что-то смутно напомнили девушке. Она зашагала дальше, обошла сад, холм и увидела маленький домик на берегу огромного бирюзового моря. Он показался ей красивее дворца, даже величественнее собора Святого Петра и роднее пыльной привычной Москвы. Навстречу ей бежал, звонко лая, пёс. Это был её дом. Это была страна её мечты и воспоминаний. Это было её детство, которое кажется тем прекрасней, чем дальше убегает от тебя. Когда не знаешь ни чёрной зависти, ни испепеляющей страсти, когда рвёшь цветы и не задумываешься о смысле жизни, и когда жизнь – это яркий карнавал впечатлений, событий, полный нового и неизведанного...

Катя проснулась в метро, когда её тронул за плечо последний пассажир: "Конечная станция". Москва была такой же пыльной и грязной, но казалось, что прохожие улыбались ей, и ласково подмигивало розовое солнце.

Легенда 8.

Вершина осознаний

Свободное облако лежит на вершине могущественной Килиманджаро, красота и страсть являются моими потребностями.

Ощущая в этом году особый вкус к жизни, я оказался здесь, где давно хотел оказаться. Мою жизнь наполнило множество противостояний, жёлтый цвет жизни начал меняться, и теперь я в горных ботинках пью красоту свободы, это начало будущего карнавала моей жизни, я хочу войти сильной и быстрой рекой в море своих желаний и мечтаний. Я стоял, смотрел вокруг и наполнялся силой, ловя свои мысли и ощущения.

Впереди у меня новые красивые и удивительные места, которые я в этом путешествии обязательно увижу, особенно желанна встреча с мысом Доброй Надежды, куда я отправлюсь вместе со своей спутницей. Пока что она ожидает меня внизу, в африканской деревне, она не так экстремальна, как я, а я пью в одиночестве через нос, рот, глаза всю красоту и прелесть этих мест.

Меня почему-то всё время тянет ввысь, там мне всегда всё становится яснее и проще, я заново там учусь любить жизнь такой, какая она есть, и лучше вижу, какой она может быть. Здесь на высоте я испытываю особые душевные вибрации, это меня очищает, делает выносливее, а главное чувство подобно этому

свободному облаку, медленно проплывающему возле вершины и дарящему мне новый вкус жизни, красоту и страсть, любовь к жизни.

*Легенда 9
(создана ведущим)*

А вы знаете, как возникла улица Дерibasовская?

Жило-было яблоко.росло оно на жёлтом клёне в национальном парке страны Зимбабве.

Яблоко было большое, румяное и весёлое. Оно одно такое росло на клёне, и, оглядываясь на другие кленовые плоды, не могло нарадоваться на свою красоту и свободу. Клён питал яблоко великолепными кленовыми соками, вокруг было Солнце, море и карнавал круглый год, который устраивали не обременённые профессиональными обязанностями жители Зимбабве. В стране стояла поголовная безработица, поэтому каждый был свободен для главных – экзистенциальных – целей в жизни, которые и воплощал в оргиастическом карнавальном действе.

Всё было здорово на пространстве от моря до дощатого забора, за которым находилось соседнее Буркина-Фасо, пока в здешнюю местность не вторгся непонятный механизм.

Вторгнувшийся механизм притаился за клёном и стал чего-то выжидать. Никто из жителей Зимбабве этого механизма не видел, поэтому они даже не знали, как механизм выглядит, но его каждый чувствовал. Люди, проводящие жизнь в праздности и стихии карнавала, вообще чувствительны к таким вещам.

Уж не шпионский ли это механизм? – думали жители Зимбабве, – и продолжали свой карнавал, но уже только для отвода глаз.

Яблоко, взглянув на зимбабские торжества, тоже мгновенно ощутило перемену.

"В чём дело?" – спросило оно у клёна.

"Что-то неладное притаилось у меня у самых корней", – ответил клён.

Яблоко хотело рассмотреть то место, на которое указывал клён, но наклониться мешал черенок – и оно впервые почувствовало свою несвободу.

"Отпусти меня, я уже вполне созрело!" – сказала яблоко клёну.

"Мне страшно тебя отпускать! Мне кажется, что тот страшный механизм, который прячется у моих корней, пришёл сюда ради тебя".

Яблоко дерзко мотнулось и сорвалось с черенка. Подкатившись к корням клёна, оно вполне рассматривало загадочный механизм – вот только не смогло бы его назвать.

"Как тебя зовут?" – спросило оно механизм, но механизм молчал.

Зато после вопроса яблока механизм стал действовать. Он прессовал какой-то чёрный порошок и разминал его огромным вали-

ком, делая, таким образом, асфальтовую дорогу. По этой дороге механизм катился, приближаясь к яблоку. Яблоко, заметив его хитрый манёвр, стало отступать к морю. Оно докатилось до моря, а механизм – за ним. Яблоко прыгнуло в море и поплыло в неизведанные страны, а механизм, подавшись вслед за ним, утонул.

Радостные жители Зимбабве вернулись к прерванному было карнавалу, а образовавшуюся дорогу нарекли ул. Дерibasовской.

В дальнейшем вокруг Дерibasовской приглашёнными в Зимбабве специалистами была построена остальная Одесса, но об этом речь пойдёт уже в другой легенде.

*Легенда 10.
О страсти*

Давным-давно на ТНК в Лисичанске жил один механизм. И красоту в сердце своём он ощущал такую, которая делала его свободным. Он увидел по телевизору цветок, который рос у реки под радугой в Зимбабве. Дела были плохи, шёл год за годом, а страсть не угасала, механизм стал весь жёлтый, стал отказываться от ужина, завидовать и вести противостояние с ботинками, которые таскала по двору собака. Всё так и закончилось бы, если бы не приехал однажды с Дерibasовской человек с бейджем, и не купил ботинки, а вместе с ними и двор, в котором они валялись, и ТНК и Лисичанск вместе взятые, а потому сломали всё, а старые механизмы выбросили самосвалом в море. Так жёлтый старый, но свободный механизм с красивой душой и страстью догрёб до Зимбабве, к своему цветку. В честь них возник карнавал в Пуэрто-Рико. А их поместили рядом в праздничном букете, вместе они смотрелись изящно и весьма неординарно.

В истолковании полученных текстов легенд мы стараемся следовать феноменологическому подходу в нежесткой его версии (жесткая вообще не предполагает возможности что-либо истолковывать). Важным моментом в практике толкования, поэтому, есть непосредственное впечатление от текста. Оно – при всей возможной недостоверности понимания замысла автора – гораздо более адекватно, чем ориентировка на готовую теорию, предписывающую видение в тексте легенды чего-то наперёд ожидаемого.

В легенде № 1, приведенной нами («Сказка о муравье под клёном» – написанная молодым человеком студенческого возраста, опорные слова, предложенные им – «свобода» и «страсть»), выражена тема *героического свершения, свободной самоактуализации героя в космических масштабах* – и в то же время *инфантильных надежд на помощь*. «Свобода» (декларируемая) предполагается

за мужским персонажем, «страсть» – за женским. Здесь мы встречаемся с клёном как образом *космическим*, который можно интерпретировать в свете раскрытой К.Г.Юнгом символики «философского дерева» как образа пути человеческого развития. Этот клён подобен мировому ясеню Иггдрасиллю из скандинавского эпоса, ветви которого представляют уровни мироздания, ведь он «был такой высокий, что мог противостоять даже самым высоким облакам и делил на две половины радугу...». Социальная ситуация развития, сообщество – т.е. «большая колония муравьёв», расположена автором легенды под клёном, у подножия философского древа. Жизнь в муравейнике «дружная» и тесная. Муравейник «громоздок» – его с собой в путь не возьмёшь. Движение героя по стволу дерева быстро *обесценивает* муравьиное сообщество, сводит к «маленькой точке внизу». Само движение героя рассматривается в сниженном, случайном модусе («как-то случилось...»), ориентированном на цели мелочной славы («увлёкся собиранием бейджиков со ствола клёна»). Герой самокритичен – муравей «самый маленький» и характеризуется «крохотным весом», он пугается – чего? – кары за «нарушение». Смелое путешествие по небу на облаке представляется как преодоление страха, однако оно же свидетельствует о «невесомости», незаземлённости фантазий. Само путешествие предстаёт как полностью внешне детерминированный процесс: «облако отнесло». При этом цель путешествия, в которое находящегося в покое героя «несёт» облако – исключительно позитивна: «самые далёкие и прекрасные страны». *Герой отдался благотворной силе*. Герой выказывает крайнее безразличие к своему муравейнику, в котором его «кинулись искать», однако поведение влюблённой муравьи, отправившейся ему вслед, словно жена декабриста, воспринимается им как должное. Герой *инфантилен* в своей *любвонной жизни* и уповаает на *активность своей возлюбленной*, навстречу которой им не было сделано ни шага. Сия активность «милостиво принимается» – как *материнская забота*. Путешествие муравьи *вторично* (она не стала «первооткрывателем» облака, здесь все лавры за героем-мужчиной), но именно она сделала открытие муравья социальным достоянием, «раскрутила» его, стала примером для «остальных влюблённых муравьёв». Высокопарное завершение легенды: «В тот день муравьи научились летать. Любовь окрыляет», – намекает на высшее предназначение героя в жизни сообщества.

Второй текст легенды (2) из приведенных нами – имеет иную эмоциональную окраску. Центральная проблема легенды выражена в *онтогенетическом* поле и предстаёт как

страх старости, инволюции. Над героиней автор иронизирует, возможно, ирония привязана к подростковым проблемам: героиня – «девочка лет 15-ти». Присутствует тема подросткового «андерграунда»: «девочка любила свободу, потому-то и жила в метро» и страха перед самодеструктивным образом жизни, который «сделает её старой и жёлтой, как сухой осенний лист». Героиня снабжена помогающим персонажем – «собакой Зимбабве», – ориентирующим и дарящим волшебные предметы, но некомпетентным в стратегических (метафизических, экзистенциальных) вопросах. Жизненный путь героини представляет собой движение от одного авторитетного персонажа к следующему, отсылающему её ещё дальше. Проекция её жизненного пути на географическое пространства представляет траекторию метаний «Москва – Киев – Одесса – Пуэрто-Рико – Китай», характеристики же авторитетных персонажей представляют ряд убывания живого начала от животного к растениям и неодушевлённым явлениям «старая собака – цветок – клён – река – радуга – стена». Запрос героини: «Зимбабве, ты умная и старая, скажи мне, как мне остаться умной, но не постареть?» в ходе пути не удовлетворяется. Ради «вечной молодости» героиня превращается в замурованный в стену бейджик (передаёт ему эстафету своей «вечности»). Бейджик содержит имя девочки – центральную характеристику её персоны. И всё же чего-то главного в ней не спасается, несмотря на возглас: «О радуга! Ты помогла мне найти смысл жизни!». *Находка смысла – кажущаяся*, покупаемая ценой *самообмана*: «Всё сделала девочка, как сказала радуга, и стала вечно молодой, но перестала быть умной». Вывод из легенды пессимистический: *вечная целостность недоступна*.

В *третьем тексте легенды* (3) путь героя – *не желающего быть собой* – начинается у Великой китайской стены (к которой героиня прошлой легенды столь долго шла), начинается «давно», начало не определено, не осознано («никто не считал», «и некому было»). Стена здесь обыграна как *средство разделения пространства* на доступную и недоступную части. Героем стал цветок – *малоподвижный* персонаж, хотя не обделённый *общением* («бабочки часто навещали его») и «очень красивый». У цветка – яркие эмоциональные переживания на фоне недвижимости: «страстное желание» «увидеть этот мир», зависть ко всем, кто видит больше (к клёну, яблоку, собаке), злость на стену, что «заслоняла его, не давая ему вырасти высоким и большим». Эти желания – заблуждения, опасные «тем, что родились не в нас». Помощник цветка – ветер (ветер перемен?) пытается его образумить, но не может, и, гневаясь, выполняет желаемое. Герой оказывается в жёсткой

ситуации социального использования: помогает принцессе «блистать на балу» в императорском дворце, и при этом умирает, переживая крах иллюзий. «Камни Стены» – хранители исторической памяти – зафиксировали негативный опыт героя и вывод о важности следования собственной природе.

Следующая легенда (4), посвящённая выходу из обыденности и возврату к себе, представляет не целостный жизненный путь героя, а фиксируется на отдельном событии, на перцептивных его особенностях, на странностях состояний «жаме вю» и «дежа вю». Героиня из своего состояния возвращается (это был «сон»), но правда этого состояния остаётся с нею и преобразует обыденность.

Легенда 8 – «Вершина осознаний» по своим характеристикам напоминает медитативную сказку; она живописует нарциссический, центрированный на себе опыт (не случайно текст – от первого лица). Задача текста – самовосхваление и самолюбование. «Свободное облако лежит на вершине могущественной Килиманджаро, красота и страсть являются моими потребностями...». Герой – экстремал, он всех сильнее и круче, его всё время тянет ввысь. И, хотя у него и есть «спутница», но она – «не так экстремальна», поэтому «ожидает ... внизу, в африканской деревне», пока он «пьёт в одиночестве через нос, рот, глаза всю красоту и прелесть этих мест».

В легенде 9, созданной ведищим, карнавальная стихия выступает самостоятельной ценностью, которой противостоит мир цивилизационный («механизм»), разрушительный для естественности проявлений чувств. Легендарный герой – «яблоко, выросшее на клёне» проявляет оригинальность суждений и действий, но имеет некоторые исходные ограничения горизонта осознания, ведь оно «держится на черенке». Но действия героя эффективны. Герой коммуницирует с помощником – клёном, представляющим, видимо, родовое начало. С механизмом же коммуникации не происходит (диалогичность

культуры в цивилизации пропадает?). Механизм можно только обмануть, заставить утонуть в море (= в бессознательном) и карнально переозначить его свершения (таково наречение асфальтированной полосы Дерibasовской улицей). «Механизм» сочетает в себе черты архаического «вредителя» и приуроченного к цивилизации «ложного героя», не выдерживающего испытания. «Механизм тонет. Герой же уплывает «в неизведанные страны» – его путь продолжается.

«Легенда о страсти» (10), посвящённая воле к объединению с любимым существом, делает героем сам механизм. Этот механизм наделён способностью ощущать, чувствовать красоту. Он «ужинает», словно организм, и конфликтует «с ботинками», словно личность с группой. Герой видит цель, которая трансцендентна его миру – «цветок, который рос у реки под радугой в Зимбабве». Но герой себе не принадлежит, и лишь появление «человека с Дерibasовской», скупающего всё и вся, делает его свободным (за ненужностью). Такая свобода сродни выходу на пенсию (механизм старый, пожелтевший). Финал – бытие героя к желанной цели и особенно воссоединение – обставляется в легенде демонстративными моментами, т.к. оказывается важным, что «вместе они смотрелись изящно и весьма неординарно».

Таким образом, легенда предполагает проецирование внутренней феноменологической реальности на некую осязаемую конкретику внешнего мира (физическую, культурную, историческую и т.д.). Сказка, в отличие от легенды, относится к совершенно неопределённому времени и пространству и является собой менее законченную, легче обратимую проекцию.

Целенаправленно воспользоваться возможностями жанра легенды в сказкотерапевтических целях позволяет метод «Сочинение легенды по опорным словам». Существенными моментами данного метода выступают выбор объекта для проекции и рассмотрение идеологической ориентации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В.Я. Поэтика фольклора / Пропп В.Я. Собрание трудов. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
2. Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2001. – 368 с.
3. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 325 с.
4. Пыпин А.Н. Русские народные легенды (По поводу издания г-на Афанасьева в Москве 1860 г.) / А.Н.Пыпин // Народные русские легенды А.Н.Афанасьева. – Новосибирск: Наука, 1990. – С.180-202.

Стаття надійшла до редакції 28.04.2010 р.